Я никогда не мог точно сказать почему, но воскресный день в моей прежней жизни был временем, когда я был особенно подвержен меланхолии, когда краски необъяснимо блекли во всех аспектах жизни, и все казалось трогательно неинтересным. Часы, которые обычно легко несли меня на своих крыльях, утратили способность летать, и к концу дня, когда я совсем опустил на землю, мне пришлось тащиться изо всех сил. Возможно, отчасти благодаря установившейся ассоциации идей, несмотря на кардинальную перемену в моих обстоятельствах, я впал в состояние глубокой депрессии во второй половине дня в это мое первое воскресенье в двадцатом веке.

Однако в данном случае это была не депрессия без конкретной причины, не просто смутная меланхолия, о которой я говорил, а чувство, подсказанное и, безусловно, вполне оправданное моим положением. Проповедь мистера Бартона с ее постоянным намеком на огромную моральную пропасть между веком, к которому я принадлежал, и тем, в котором я оказался, оказала сильное воздействие, подчеркнув мое чувство одиночества. Как бы вдумчиво и философски он ни говорил, его слова не могли не оставить в моем сознании сильного впечатления о смешанной жалости, любопытстве и отвращении, которые я, как представитель отвратительной эпохи, должен возбуждать во всех окружающих.

Необычайная доброта, с которой ко мне относились доктор Лите и его семья, и особенно доброта Эдит, до сих пор мешали мне полностью осознать, что их подлинные чувства ко мне обязательно должны быть чувствами всего поколения, к которому они принадлежали. Признание этого в отношении доктора Лита и его любезной жены, каким бы болезненным оно ни было, я мог бы вынести, но убежденность в том, что Эдит должна разделить их чувства, была выше моих сил.

Сокрушительный эффект, с которым это запоздалое осознание столь очевидного факта дошло до меня, полностью открыл мне глаза на то, о чем, возможно, читатель уже подозревал, — я любил Эдит.

Было ли странно, что это произошло? Трогательный случай, с которого началась наша близость, когда ее руки вытащили меня из водоворота безумия; тот факт, что ее сочувствие было жизненным дыханием, которое утвердило меня в этой новой жизни и позволило мне поддерживать ее; моя привычка смотреть на нее как на посредницу между мной и окружающим миром в том смысле, в каком не был даже ее отец, — таковы были обстоятельства, предопределившие результат, который мог быть объяснен только ее замечательной внешностью и характером. Было совершенно неизбежно, что она должна была казаться мне, в смысле, совершенно отличающемся от обычного восприятия влюбленных, единственной женщиной в этом мире. Теперь, когда я внезапно осознал тщетность надежд, которые начал лелеять, я страдал не только от того, что мог бы испытывать другой влюбленный, но вдобавок от безысходного одиночества, полной заброшенности, какой не мог бы испытывать ни один другой влюбленный, каким бы несчастным он ни был.

Мои хозяйева, очевидно, видели, что я в подавленном настроении, и делали все возможное, чтобы отвлечь меня. Я видел, что Эдит особенно переживала за меня, но, согласно обычной порочности влюбленных, я когда-то был настолько безумен, что мечтал получить от нее что-то большее, и для меня больше не было добродетели в доброте, которая, как я знал, была всего лишь сочувствием.

Ближе к вечеру, проведя большую часть дня у себя в комнате, я вышел в сад прогуляться. День был пасмурный, в теплом, неподвижном воздухе чувствовался осенний привкус. Очутившись

рядом с раскопками, я вошел в подземную камеру и сел там. "Это, - пробормотал я себе под нос, - единственный дом, который у меня есть. Позволь мне остаться здесь и больше никуда не выходить". Обращаясь за помощью к знакомому окружению, я пытался найти печальное утешение в том, чтобы оживить прошлое и вызвать в памяти формы и лица, которые окружали меня в моей прежней жизни. Это было напрасно. В них больше не было никакой жизни. Почти сто лет звезды смотрели сверху вниз на могилу Эдит Бартлетт и могилы всего моего поколения.

Прошлое было мертво, раздавленное тяжестью столетия, и я был отрезан от настоящего. Для меня нигде не было места. Я не был ни мертв, ни по-настоящему жив.

- Прости меня за то, что я последовал за тобой.

Я поднял глаза. Эдит стояла в дверях подземной комнаты, глядя на меня с улыбкой, но глазами, полными сочувствия и горя.

"Отошлите меня, если я вам мешаю, - сказала она, - но мы видели, что вы были не в духе, и вы знаете, что обещали дать мне знать, если это так. Вы не сдержали своего слова."

Я встал и направился к двери, пытаюсь улыбнуться, но, как мне кажется, у меня это получилось довольно жалко, потому что вид ее красоты еще острее напомнил мне причину моего несчастья.

"Я чувствовал себя немного одиноким, вот и все", - сказал я. "Тебе никогда не приходило в голову, что мое положение настолько более одинокое, чем когда-либо было у любого человека, что для его описания действительно необходимо новое слово?"

"О, вы не должны так говорить... вы не должны позволять себе так себя чувствовать... вам не надо!" — воскликнула она с увлажнившимися глазами. - Разве мы не ваши друзья? Это наша собственная вина, если мы оставим вас в покое. Вам не нужно быть одиноким."

"Ты добра ко мне выше моего понимания, - сказал я, - но не думай, что я не знаю, что это просто жалость, сладкая жалость, но только жалость. Я был бы дураком, если бы не знал, что я кажусь вам не таким, как другие люди вашего поколения, а каким-то странным сверхъестественным существом, выброшенным на берег в неведомом море, чье одиночество трогает ваше сострадание, несмотря на его гротескность. Я был так глуп, а вы были так добры, что почти забыл, что так и должно быть, и вообразил, что со временем я мог бы натурализоваться, как вы привыкли говорить в этом веке, чтобы чувствовать себя одним из вас и казаться вам похожим на других мужчин вокруг. Но проповедь мистера Бартона научила меня, насколько тщетны подобные фантазии, какой огромной, должно быть, кажется вам пропасть между нами."

"О, эта жалкая проповедь! - воскликнула она, чуть не плача от сочувствия. - Я хотела, чтобы вы ее не слышали. Что он знает о вас? Он читал в старых заплесневелых книгах о ваших временах, вот и все. Какое вам до него дело, чтобы позволять себе раздражаться из-за чего-либо, что он сказал? Разве для тебя ничего не значит, что мы, те, кто знает вас, чувствуем себя по-другому? Разве вас не волнует больше, что мы думаем о вас, чем то, что делает тот, кто никогда вас не видел? О, мистер Уэст! Вы не знаете, не можете себе представить, что я чувствую, видя вас таким несчастным. Я не могу этого допустить. Что я могу вам сказать? Как я могу убедить вас, насколько наши чувства к вам отличаются от того, что вы думаете?"

Как и прежде, в тот другой переломный момент моей судьбы, когда она пришла ко мне, она протянула ко мне руки в жесте готовности помочь, и, как и тогда, я поймал и удержал их в

своих; ее грудь вздымалась от сильного волнения, а легкая дрожь в пальцах, которые я сжимал, подчеркивала глубину ее чувств. На ее лице жалость боролась с чем-то вроде божественной злобы против препятствий, которые довели ее до бессилия. Женское сострадание, несомненно, никогда не носило более прекрасного облика.

Такая красота и такая доброта совершенно растопили меня, и казалось, что единственный достойный ответ, который я мог дать, - это сказать ей только правду. Конечно, у меня не было ни искры надежды, но, с другой стороны, я не боялся, что она рассердится. Она была слишком добродушна для этого. Поэтому вскоре я сказал: "С моей стороны очень неблагодарно не удовлетворяться такой добротой, которую вы проявили ко мне и проявляете сейчас. Но неужели ты настолько слепа, чтобы не видеть, почему их недостаточно, чтобы сделать меня счастливым? Разве ты не видишь, что это потому, что я был достаточно безумен, чтобы полюбить тебя?"

При моих последних словах она густо покраснела, и ее глаза опустились перед моими, но она не сделала попытки высвободить свои руки из моих объятий. Несколько мгновений она стояла так, слегка задыхаясь. Затем, покраснев еще сильнее, чем когда-либо, но с ослепительной улыбкой, она подняла глаза.

"Ты уверен, что это не ты слепой?" она сказала.

Это было все, но этого было достаточно, потому что это говорило мне о том, что, каким бы необъяснимым, невероятным это ни было, эта лучезарная дочь золотого века одарила меня не только своей жалостью, но и своей любовью. И все же я наполовину верил, что, должно быть, нахожусь под воздействием какой-то блаженной галлюцинации, даже когда сжимал ее в своих объятиях. "Если я вне себя, - воскликнул я, - позвольте мне оставаться таким".

"Это я, о ком ты, должно быть, думаешь, что я не в себе", - выдохнула она, вырываясь из моих объятий, когда я едва почувствовал сладость ее губ. "ой! о! что ты, должно быть, думаешь обо мне, раз я чуть не бросилась в объятия того, кого знаю всего неделю? Я не имела в виду, что ты должен узнать об этом так скоро, но мне было так жаль тебя, что я забыла, что говорила. Нет, нет; ты не должен больше прикасаться ко мне, пока не узнаешь, кто я такая. После этого, сэр, вы должны смиренно извиниться передо мной за то, что подумали, а я знаю, что вы думаете, что я слишком быстро влюбилась в вас. После того, как вы узнаете, кто я, вы будете обязаны признаться, что влюбиться в вас с первого взгляда было не чем иным, как моим долгом, и что ни одна чувствующая девушка на моем месте не поступила бы иначе."

Как можно предположить, я был бы вполне удовлетворен отказом от объяснений, но Эдит твердо решила, что поцелуев больше не будет, пока с нее не будут сняты все подозрения в опрометчивости в выражении своих чувств, и я был вынужден последовать за очаровательной загадкой в дом. Придя туда, где была ее мать, она, краснея, прошептала что-то ей на ухо и убежала, оставив нас вдвоем.

Тогда оказалось, что, каким бы странным ни был мой опыт, теперь я впервые узнал, что было, пожалуй, самой странной его особенностью. От миссис Лите я узнал, что Эдит была правнучкой не кого иного, как моей потерянной любви, Эдит Бартлетт. Оплакав меня четырнадцать лет, она вышла замуж по расчету и оставила сына, который был отцом миссис Лите. Миссис Лите никогда не видела свою бабушку, но много слышала о ней и, когда родилась ее дочь, дала ей имя Эдит. Этот факт, возможно, усилил интерес, который девочка проявляла, повзрослев, ко всему, что касалось ее прародительницы, и особенно к трагической истории о предполагаемой смерти любовника, женой которого она предполагала стать, в результате пожара в его доме.

Это была история, рассчитанная на то, чтобы вызвать сочувствие романтической девушки, и тот факт, что в жилах несчастной героини текла ее собственная кровь, естественно, усилил интерес Эдит к ней. Среди семейных реликвий были портрет Эдит Бартлетт и некоторые из ее бумаг, включая пачку моих собственных писем. На картине была изображена очень красивая молодая женщина, о которой легко было вообразить всевозможные нежные и романтические вещи. Мои письма дали Эдит некоторый материал для формирования четкого представления о моей личности, и того и другого вместе взятого было достаточно, чтобы сделать печальную старую историю для нее очень реальной. Она обычно полусуто говорила своим родителям, что никогда не выйдет замуж, пока не найдет такого любовника, как Джулиан Уэст, а в наши дни таких не было.

Теперь все это, конечно, было всего лишь мечтой девушки, чьи мысли никогда не были заняты ее собственным любовным романом, и не имело бы серьезных последствий, если бы тем утром не было обнаружено закопанное хранилище в саду ее отца и раскрыта личность его обитателя. Ибо, когда явно безжизненное тело внесли в дом, лицо в медальоне, найденном на груди, было немедленно опознано как лицо Эдит Бартлетт, и по этому факту, взятому в связи с другими обстоятельствами, они поняли, что я не кто иной, как Джулиан Уэст. Даже если бы не было никакой мысли, как поначалу и не было, о моей реанимации, миссис Лите сказала, что, по ее мнению, это событие оказало бы на ее дочь критическое воздействие на всю жизнь. Предположение о некоем неуловимом распорядке судьбы, связывающем ее судьбу с моей, при любых обстоятельствах обладало бы непреодолимым очарованием почти для любой женщины.

По словам ее матери, теперь я могу судить, была ли она слишком поспешна в проявлении своей любви, когда я вернулся к жизни несколько часов спустя и с самого начала, казалось, относился к ней с особой зависимостью и находил особое утешение в ее обществе для себя. Если я так думал, то должен помнить, что, в конце концов, на дворе двадцатый, а не девятнадцатый век, и любовь, без сомнения, сейчас развивается быстрее, а также выражается откровеннее, чем тогда.

От миссис Лите я перешел к Эдит. Когда я нашел ее, то прежде всего взял ее за обе руки и долго стоял, восхищенно созерцая ее лицо. Пока я смотрел, воспоминание о той, другой Эдит, на которую огромное переживание, разлучившее нас, подействовало как ошеломляющий шок, ожило, и мое сердце наполнилось нежными и жалостливыми эмоциями, но в то же время очень блаженными. Ибо она, которая так остро ощутила мою потерю, должна была восполнить эту потерю. Это было так, как если бы Эдит Бартлетт заглянула своими глазами в мои и утешительно улыбнулась мне. Моя судьба была не только самой странной, но и самой удачливой из всех, что когда-либо выпадали на долю человека.

Для меня свершилось двойное чудо. Я был выброшен на берег этого странного мира не для того, чтобы оказаться в одиночестве и без компании. Моя любовь, о которой я мечтал, и потерял ее, воплотилась вновь для моего утешения. Когда, наконец, в экстазе благодарности и нежности я заключил прелестную девушку в свои объятия, две Эдит слились в моих мыслях, и с тех пор их нельзя было четко различить. Вскоре я обнаружил, что со стороны Эдит произошла соответствующая путаница в личностях. Конечно, никогда между только что соединившимися любовниками не было более странного разговора, чем наш в тот день. Казалось, она больше хотела, чтобы я говорил об Эдит Бартлетт, чем о ней самой, о том, как я любил ее, чем о том, как я любил ее саму, вознаграждая мои нежные слова о другой женщине слезами, нежными улыбками и пожатиями рук.

"Вы не должны слишком сильно любить меня за меня саму", - сказала она. - Я буду очень ревновать к ней. Я не позволю тебе забыть ее. Я собираюсь рассказать вам кое-что, что вам может показаться странным. Разве вы не верите, что духи иногда возвращаются в мир, чтобы

выполнить какую-то работу, которая близка их сердцу? Что, если я скажу вам, что иногда мне казалось, что ее дух живет во мне — что мое настоящее имя Эдит Бартлетт, а не Эдит Лите? Я не могу знать этого; конечно, никто из нас не может знать, кто мы есть на самом деле; но я чувствую это. Можете ли вы удивляться, что у меня такое чувство, когда я вижу, как она и вы повлияли на мою жизнь еще до того, как вы пришли. Итак, вы видите, что вам вообще не нужно беспокоиться о том, чтобы любить меня, если только вы будете верны ей. Вряд ли я буду ревновать."

Доктор Лите ушел в тот день, и у меня была назначена беседа с ним только позже. По-видимому, он не был совершенно не готов к сообщенным мною сведениям и сердечно пожал мне руку.

"При любых обычных обстоятельствах, мистер Уэст, я бы сказал, что этот шаг был предпринят после довольно короткого знакомства; но это определенно не обычные обстоятельства. Справедливости ради, возможно, мне следует сказать вам, - добавил он с улыбкой, - что, хотя я с радостью соглашаюсь на предложенное соглашение, вы не должны чувствовать себя слишком обязанными мне, поскольку я считаю, что мое согласие - простая формальность. Мне кажется, так и должно было быть с того момента, как раскрылся секрет медальона. Боже мой, если бы Эдит не была там, чтобы выполнить обещание своей прабабушки, я действительно опасаясь, что лояльность миссис Литы ко мне подверглась бы серьезному испытанию."

В тот вечер сад был залит лунным светом, и до полуночи мы с Эдит бродили по нему взад и вперед, пытаюсь привыкнуть к нашему счастью.

"Что бы я сделала, если бы вы не заботились обо мне?" - воскликнула она. - Я боялась, что вы этого не сделаете. Что я должна была сделать тогда, когда почувствовала, что посвящена тебе! Как только вы вернулись к жизни, я была так же уверена, как если бы она сказала мне, что я должна быть для тебя тем, кем она не могла быть, но это могло бы быть только в том случае, если бы вы мне позволили. О, как я хотела рассказать тебе в то утро, когда вы чувствовали себя такой ужасно чужой среди нас, кто я такая, но не осмеливалась раскрыть об этом рот или позволить отцу или матери...

"Должно быть, это было то, о чем вы не позволили своему отцу сказать мне!" - воскликнул я, имея в виду разговор, который я подслушал, когда выходил из своего транса.

"Конечно, так оно и было", - засмеялась Эдит. - Ты только сейчас об этом догадался? Отец, будучи всего лишь мужчиной, подумал, что, рассказав тебе, кто мы такие, ты почувствуешь себя среди друзей. Он вообще не думал обо мне. Но мама знала, что я имела в виду, и поэтому я настояла на своем. Я никогда бы не посмотрела тебе в лицо, если бы вы знали, кто я такая. Это было бы слишком дерзко навязываться тебе. Боюсь, вы думаете, что я сделала это сегодня, как бы то ни было.

Я уверена, что не хотела этого, потому что знаю, что в ваше время от девушек ожидали, что они будут скрывать свои чувства, и я ужасно боялась шокировать вас. Ах, как, должно быть, тяжело им было всегда скрывать свою любовь, как вину. Почему они считали таким позором любить кого-либо, пока им не дали разрешения? Так странно думать о том, чтобы ждать разрешения влюбиться. Было ли это потому, что мужчины в те дни злились, когда девушки их любили? Я уверена, что женщины чувствовали бы себя иначе, да и мужчины, я думаю, сейчас тоже. Я вообще этого не понимаю. Это будет одна из любопытных вещей о женщинах тех дней, которую вам придется мне объяснить. Я не верю, что Эдит Бартлетт была такой глупой, как другие."

После нескольких безрезультатных попыток расстаться она, наконец, настояла на том, что мы должны пожелать друг другу спокойной ночи. Я уже собирался запечатлеть на ее губах определенно последний поцелуй, когда она сказала с неопишуемой лукавостью:

- Меня беспокоит одна вещь. Вы уверены, что вполне прощаете Эдит Бартлетт за то, что она вышла замуж за кого-то другого? Дошедшие до нас книги изображают любителей вашего времени скорее ревнивыми, чем любящими, и именно это заставляет меня спросить. Для меня было бы большим облегчением, если бы я могла быть уверенной, что вы ни в малейшей степени не ревнуете моего прадеда к тому, что он женился на вашей возлюбленной. Могу я сказать фотографии моей прабабушки, когда пойду в свою комнату, что вы вполне прощаете ее за то, что она изменила вам?"

Поверит ли читатель, но эта кокетливая шутка, независимо от того, догадывалась об этом сама говорившая или нет, действительно затронула и этим прикосновением излечила нелепую боль, похожую на ревность, которую я смутно ощущал с тех пор, как миссис Лите рассказала мне о замужестве Эдит Бартлетт. Даже когда я держал на руках правнучку Эдит Бартлетт, я до этого момента, настолько нелогичны некоторые наши чувства, отчетливо не осознавал, что, если бы не тот брак, я не смог бы этого сделать. Абсурдность такого настроения могла сравниться только с той внезапностью, с которой оно рассеялось, когда лукавый вопрос Эдит рассеял туман в моем восприятии. Я рассмеялся, целуя ее.

"Вы можете заверить ее в моем полном прощении, - сказал я, - хотя, если бы она вышла замуж за любого другого мужчину, кроме вашего прадеда, это было бы совсем другое дело".

Добравшись в ту ночь до своей комнаты, я не стал включать музыкальный телефон, чтобы убаюкать себя успокаивающими мелодиями, как это вошло у меня в привычку. На этот раз мои мысли создавали музыку лучше, чем дискурсы оркестров двадцатого века, и она очаровывала меня до самого утра, когда я заснул.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2818885>